

ИЕРУСАЛИМСКАЯ Анна Олеговна, аспирант кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (г. Калининград). Автор 4 научных публикаций

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ VS ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ КАК СЛОЖИВШИЙСЯ ДИСКУРС

В статье подробно представлена история возникновения и развития термина «интертекстуальность», а также история описываемого этим термином явления до того, как оно стало обозначаться данным словом. Проанализированы особенности понимания интертекстуальности различными научными школами, узкое и широкое трактование термина. Выявлена шкала значений термина «интертекстуальность». Доказано, что в основе сложившихся дефиниций интертекстуальности лежит соответствующее определение термина «текст». Показана связь между интертекстуальностью и интердискурсивностью через принятую в критическом дискурс-анализе тождественность понятий «конститутивная интертекстуальность» и «интердискурсивность». Представлены различные виды интертекстуальности, такие как типологическая, кодовая, жанровая, риторическая. На конкретных примерах продемонстрирована необходимость рефлексии по поводу исследовательской позиции и того смысла, в котором употребляется слово «интертекстуальность» во избежание путаницы и логических неувязок. В статье проводится различие между лингвистическим и литературоведческим толкованием термина «интертекстуальность». Дается сравнительный анализ различных концепций соотношения интертекстуальности, интердискурсивности, а также связанных с ними понятий полифоничности, интермедийности, метадискурсивности, итерабельности, пресуппозиции, медиальности, гипертекстуальности, экстратекста. Доказана важность роли лингвосоциокультурного пространства в дискурс-анализе. Выявлено, что соотношение интердискурсивность/интертекстуальность не симметрично соотношению дискурс/текст. Понятие интердискурсивности сближается с понятием типологической интертекстуальности, однако в отличие от последнего является более объемным, обладающим социокультурными и психологическими измерениями. Интертекстуальность свидетельствует о незамкнутости дискурса, тем самым сигнализируя об интердискурсивности. Однако она не является обязательным условием последней. Интердискурсивность носит реципиенто-ориентированный характер и требует от реципиента демонстрации высокого уровня научной и художественной абстракции. Интердискурсивность делает художественный текст более объемным, позволяет создать иерархию контекстов посредством включения культурных кодов из различных сфер культуры.

Ключевые слова: *интертекстуальность, интердискурсивность, дискурс, полифоничность, интермедийность, метадискурсивность.*

Понятие «интертекстуальность» ввела французская исследовательница Юлия Кристева в 1967 году. В «Революции поэтического языка» (1974) Кристева дает следующее определение интертекстуальности: «...интертекстуальность – это транспозиция одной или нескольких знаковых систем в другую знаковую систему» [1, с. 52]. Структуралисты и постструктуралисты понимали интертекстуальность как продуктивность текста. Текст (в отличие от произведения) не является чем-то ограниченным, он открыт, связан мириадами ниточек со своими бесчисленными предтекстами и содержит в себе потенциал для бесконечного числа интертекстов.

Ролан Барт пишет: «Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; <...> текст <...> образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем *уже читанных* цитат – из цитат без кавычек» [2, с. 418]. Согласно Барту, интертекстуальность включает и тексты, появившиеся после произведения. Барт ссылается на пример, приведенный Леви-Строссом, в котором миф об Эдипе содержит в себе и его фрейдовскую версию: «...читая Софокла, мы должны читать его как цитацию из Фрейда, а Фрейда – как цитацию из Софокла» [3, с. 39–40]. Как справедливо замечает В.Е. Чернявская, «Барт акцентирует рецептивную сторону интертекстуальности» [4, с. 121].

Заявляя о «смерти автора», французская школа интертекстуальности фактически отрицает исторический подход в литературоведении, согласно которому автор испытывает на себе влияние писателей предшествующих эпох. «Влияние» заменяется «интертекстуальностью». Однако американские исследователи, такие как Джей Клейтон, Эрик Ротштейн, ставят под сомнение существование границы между этими двумя понятиями. Сюзен Стенфорд Фридман утверждает, что сам факт того, что Кристева призывает Бахтина на защиту своей концепции интертекстуальности, демонстрирует принцип влияния и, с другой стороны, говорит о том, что «дискурс интертекстуальности

имплицитно уже существовал в изучении литературных влияний как методология» [5, с. 4].

Чернявская выделяет две модели интертекстуальности – широкую и узкую. Широкую модель, основанную на идеях Кристевой и Барта (которые в свою очередь опираются на диалогизм Бахтина), Чернявская называет литературоведческой, а узкую модель, согласно которой интертекстуальность представляет особое качество, присущее лишь некоторым текстам, – лингвистической. Именно благодаря узкой концепции термин получил широкое распространение, поскольку «глобальная теория интертекстуальности приводила к неизбежному размыванию границ этого понятия, его инфляции» [4, с. 123]. Как будет показано далее, большинство исследователей придерживается диаметрально противоположной точки зрения, считая более широкий подход к понятию интертекстуальности лингвистическим, а узкий – литературоведческим.

Между тем узкая концепция интертекстуальности, представляющая обозначение типа отношений, в которые один конкретный текст вступает с другим конкретным текстом или текстами (цитаты, аллюзии, реминисценции и др.), не несет новой точки зрения, а «повторяет под новой этикеткой старые взгляды литературоведения, риторики, классической филологии» [4, с. 124]. То есть в случае с термином «интертекстуальность» мы видим шкалу значений, когда на одном конце – бесконечность, размытость, инфляция, на другом – неинформативность, тавтология, избыточность.

Очевидно, что место на этой шкале, определенное тем или иным ученым, использующим данные термины, обусловлено той исследовательской программой, которой он придерживается. Очевидно и то, что места эти будут коррелировать, и это позволит если не элиминировать, то по меньшей мере нивелировать ту путаницу, которая может возникнуть в употреблении этих (и других связанных с ними) терминов. Так, к примеру, типологическая интертекстуальность, предполагающая «воспроизводимость в конкретном текстовом экземпляре инвариантных

текстообразующих признаков, определяемых моделью его текстопостроения и – восприятия – типом/жанром текста» [4, с. 125], вполне может быть названа дискурсом в наиболее узком его понимании (практически сливающимся с понятием функционального стиля).

Такого взгляда на соотношение понятий «интертекстуальность» и «интердискурсивность» придерживается Натали Пьеге-Гро, предлагая считать интертекстуальностью любое появление в тексте другого конкретного текста, независимо от его стиля и природы (вплоть до писем, различного рода табличек и ресторанных меню). Все другие формы диалогичности, включая так называемую типологическую интертекстуальность, автор относит к понятию «интердискурсивность». Более широкое понимание интертекстуальности, согласно Пьеге-Гро, делает этот термин нерелевантным для литературоведческого анализа [1, с. 70–73].

Основатель критического дискурс-анализа Норман Фэркло различает «декларативную интертекстуальность» и «конститутивную интертекстуальность», или интердискурсивность. Наряду с речевыми актами и когерентностью интертекстуальность должна находиться в центре внимания исследования, в котором проводится критический дискурс-анализ дискурса как дискурсивной практики [6, с. 448–449].

В основании вышеприведенных дефиниций лежит различие между лингвистическим и литературоведческим пониманием термина «текст». Подобно различию между пониманиями термина «дискурс» оно фундировано подходом к художественному произведению как к целокупному, уникальному, «живому» явлению культуры. «В отличие от лингвистов, литературоведы изучают обычно не “ein Text”, а “der Text”» [7, с. 148–149].

Попытку синтеза лингвистической и литературоведческой традиций интертекстуальности совершил Дэвид Лодж в книге «The Modes of Modern Writing» (1988), где стремится объединить современную континентальную и англо-американскую формалистскую критику [8, с. 135].

А.К. Жолковский отмечает наличие интертекстуальных связей между литературным произведением и невербальными текстами, в первую очередь произведениями изобразительного искусства. Эти связи получили название синкретической интертекстуальности, или интермедиальности [8, с. 135]. С развитием компьютерных и интернет-технологий линейность печатного текста преодолевается посредством создания виртуальных связей между текстами в виде встроенных в текст гиперссылок. Эту связь, получившую название гипертекстуальности, также рассматривают в соотношении с интертекстуальностью, отождествляя (Джордж П. Ландау, Пол Делани) или противопоставляя (Майкл Риффатер) последней [9, с. 779–788].

Джеймс Э. Портер различает два вида интертекстуальности: итерабельность (термин, введенный Жаком Дерридой, означающий способность знака «воспроизводить себя лишь в виде повторения») [10] и пресуппозиция. Итерабельность относится «к цитированию в самом широком смысле слова, включая не только эксплицитные аллюзии, ссылки, цитаты <...>, но и неуказанные источники и влияния, клише, крылатые выражения и традиции» [11, с. 35].

Специфическим видом интертекстуальности является пресуппозиция. «Назначение пресуппозиции – предварить текст, в котором может быть озвучена его собственная позиция...» [8, с. 141]. По мнению Джонатана Каллера, пресуппозиция рассматривается как интертекст, однако прецедентный текст может и не существовать в реальной истории [8, с. 141]. При создании любого текста эксплицитно или имплицитно ожидается, что адресат владеет определенными культурными кодами, что и делает возможным адекватное восприятие с его стороны. Эти коды в свою очередь усваиваются человеком через другие тексты. Так создается интертекстуальная связь [12, с. 1380–1396].

Культурная семиотика рассматривает интертекстуальность с позиции читателей, интересуясь «текстуальными аллюзиями, активизированными различными группами читателей»

[13, с. 814]. Так, к примеру, «интертекстуальный “Гамлет” – это и литературный артефакт, как труд, содержащий ссылку, и знак с коллективными и конвенциональными культурными ассоциациями. Семиотик культуры может изучать изменения этой знаковой системы от одного поколения к другому по мере того, как он появляется в различных представлениях (не только литературных, но и в картинах, стилях действия, фильмах, как метафора поведения и т. д.). Искажение интертекста представляет огромный интерес, так как указывает на проломы или границы в культуре. Это – знак культурной прерывности...» [13, с. 818].

Израильский семиотик культуры Итамар Эвен-Зохар использует термин «экстратекст», понимая под ним литературную традицию, в которой пишет автор, историческую ситуацию, идеологию автора, а также ожидания и предварительные знания читателя [13, с. 819]. Этот термин, однако, не получил широкого распространения.

В.Е. Чернявская вводит понятие интердискурсивности через интертекстуальность, проводя полную параллель с отношением «текст–дискурс». Интердискурсивность, по мнению автора, проявляется только через интертекстуальные сигналы текста [4, с. 210]. Далее ученый устанавливает дополнительные ограничения в отношении термина «интертекстуальность»: «Интердискурсивность не тождественна интертекстуальности, *если* понимать под интертекстуальностью особый способ создания нового текста через *однозначно маркированный эксплицитный диалог “своего” и “чужого” текстов*» (курсив наш. – А. И.) [4, с. 210–211]. В следующем же абзаце исследователь утверждает, что интердискурсивность – это «не диалог “своего” и “чужого” текстов в форме цитат, аллюзий, реминисценций, но взаимодействие, взаимоналожение различных ментальных, т. е. над- и предтекстовых структур, операций, кодовых систем, фремов в процессе текстопроизводства» [4, с. 210–211].

Таким образом, фактически автор сначала пишет, что интердискурсивность видима *только* через интертекстуальность, затем определяет

интертекстуальность только как «*однозначно маркированный эксплицитный диалог*», потом утверждает, что интердискурсивность – это не диалог в форме цитат, аллюзий, реминисценций. Возникает вопрос: каким образом мы можем обнаружить в тексте «взаимодействие, взаимоналожение различных ментальных, т. е. над- и предтекстовых структур, операций, кодовых систем, фремов», если интердискурсивность представлена в тексте *только* через интертекстуальность, а интертекстуальность – это *только* цитаты, аллюзии, реминисценции и т. п.? То есть если автор текста не считал нужным *однозначно маркированно и эксплицитно* ввести в свой текст чужой текст, его текст по определению не может содержать иные *ментальные структуры, кодовые системы, фреймы* и др.?

По всей видимости, нарушение когерентности текста связано с тем, что здесь Чернявская имеет в виду третье понимание интертекстуальности, пришедшее на смену узкому пониманию, на которое указывает Е.В. Белоглазова, говоря о том, что узкое понимание интертекстуальности обедняет анализ, оставляя за его рамками ряд видов диалогичности. Со временем появляются такие формы интертекстуальности, как типологическая, кодовая, жанровая [14, с. 67].

К типологической интертекстуальности примыкает риторическая интертекстуальность, методический базис которой, согласно Генриху Ф. Плетту, представляет собой не общность знаков, а скорее общность структур. Вариации последней распространяются от одной крайности, их полного воспроизведения через различные степени отклонения, к противоположной – их полной инверсии. Интертекстуальная ирония возникает от инверсии в пост-тексте утверждения пре-текста [15, с. 315].

Диониз Дюришин в своей «Теории сравнительного изучения литературы» разработывает практический подход к изучению интертекстуальности в конкретных произведениях. Дюришин, в частности, отмечает, что автор может по-разному относиться к цитируемому произведению: аллюзия при отрицательном отношении превращается в пародию [8, с. 142].

Интертекстуальность может служить свидетельством наличия интердискурсивности. Так, риторическая интертекстуальность, о которой было сказано выше, является одним из широко распространенных приемов риторического дискурса. Понятие интердискурсивности на сегодняшний день менее разработано в научной среде по сравнению с понятием интертекстуальности. Чернявская различает спонтанную и инсценируемую смены дискурса. Деление это, конечно, относительное, поскольку не всегда очевидно, насколько сознательно автор текста применил тот или иной прием; ответ на этот вопрос может быть затруднительным даже для автора текста.

В качестве примера инсценируемой интердискурсивности приведем цитату из М.М. Бахтина: «Рабле не боится иной раз и совершенно бессмысленных словосочетаний, лишь бы поставить рядом (“ососедить”) такие слова и понятия, которые человеческая речь на основе определенного строя, определенного мировоззрения, определенной системы оценок – никогда не употребляет в одном контексте, в одном жанре, в одном стиле, в одной фразе, с одной интонацией. Рабле не боится логики по типу “в огороде бузина, а в Киеве дядька”» [16, с. 326].

Н.Ю. Георгинова рассматривает соотношение понятий интердискурсивности, интертекстуальности и полифонии: «Антропоцентричность современной научной парадигмы, все внимание которой обращено к человеку, диктует необходимость учета когнитивной составляющей в лингвистических исследованиях» [17, с. 149]. Автор перечисляет основные школы дискурс-анализа и их наиболее выдающихся представителей – «французская (П. Серио, М. Фуко, М. Пеше и др.), немецкая (Утц Маас, Юрген Линк, Юрген Хабермас и др.), англо-американская, отечественная...» [17, с. 149] – и вполне справедливо замечает, что современные исследования отличаются когнитивно ориентированной направленностью.

Однако, на наш взгляд, следует отметить тот факт, что один из основоположников (по мнению многих исследователей – основоположник)

дискурс-анализа Мишель Фуко определял дискурс как понятие сугубо неантропоцентричное, принципиально неантропоцентричное. Фуко *уплотнил* дискурсы, создав отдельный мир – даже не равноположенный реальности и языку, а первичный. Весь смысл теории был в отходе от антропоцентричности.

У Фуко противопоставление «человек/текст» снималось фокусированием на третьем – на дискурсе, наделением именно последнего наивысшим статусом, тогда как сторонники когнитивного подхода в этом противопоставлении («человек/текст») помещают дискурс на сторону человека, *на подмогу* человеку, поскольку «ранее язык (а текст – это, прежде всего, единица языка) описывался как самодостаточная, самоорганизующаяся, замкнутая в себе система знаков...» [17, с. 150]. То есть мы имеем дело с диаметрально противоположными интенциями, лежащими в основе введения и употребления термина «дискурс».

Георгинова отмечает, что категорию интердискурсивности ввел французский философ М. Пеше, определяя ее как «конститутивную способность любого дискурса, благодаря которой он находится в отношениях с ансамблем уже произведенных дискурсов» [17, с. 150].

Особого внимания заслуживает описание интердискурсивных процессов как интермедialных и метадискурсивных, которое приводит Георгинова, ссылаясь на Н.С. Олизько, вслед за представителями французской школы рассматривающего «интердискурс как лингво-социокультурное пространство, в котором формируется и производится дискурс» [17, с. 153]. Чтобы подчеркнуть важность той роли, которую играет лингво-социокультурное пространство в дискурс-анализе, процитируем приведенный А.М. Каплуненко пример: «Фраза “Я родился” оформлялась в одно и то же высказывание: “Я, Каплуненко Александр Михайлович, родился 8 апреля 1947 года в г. Уссурийске Приморского края”. Трудно сказать, сколько раз повторялось это высказывание. Но в том, что оно, написанное впервые в 16-летнем возрасте, не тождественно ему же, написанному для

устройства на работу после защиты докторской диссертации, у меня нет сомнений» [18, с. 15].

Безусловно, медиальность в первую очередь ассоциируется с креолизованными текстами, теми сложными сочетаниями видеоизображения, звука и текста, которые стали доступны благодаря техническим инновациям. Однако макклюэновская формула «The Medium is the Message» («Средство коммуникации есть сообщение») отнюдь не ограничивается XX веком. Сам Макклюэн, выводя эту формулу, описывает широчайший исторический срез.

Сопоставляя интертекстуальность и интердискурсивность, И.В. Силантьев утверждает, что более сложный дискурс, обладающий более высоким статусом в социокультурной иерархии, отражает в себе и несет следы более широкого спектра других дискурсов [19, с. 31]. Ученый обращает внимание на еще одну очень тонкую особенность явления интердискурсивности, отличающую ее от интертекстуальности текстов различных функциональных стилей. На примерах из романов «Война и мир» Л. Толстого и «Преступление и наказание» Ф. Достоевского он объясняет, что наличие нехудожественных дискурсов в них представляет собой «семантически продуктивное слияние» художественно-эстетического, историсофского и евангелического дискурсов [19, с. 33–34]. Интердискурсивность – явление не только стилевое, оно по определению предполагает слияние художественного и нехудожественного текстов: «перенос» в текст разных областей знаний, принципов мышления – художественного и нехудожественного (научного).

Эта тонкая грань и является сигналом иного, более высокого уровня научной абстракции. Текст – не единственная проекция дискурса. Так, для того чтобы обнаружить «семантически продуктивное слияние», следует обратиться к когнитивным процессам, с которыми многие авторы связывают понятие дискурса (на наш взгляд, ставить знак равенства между когнитивными процессами и дискурсом не совсем уместно, их, скорее, следует рассматривать как одну из проекций).

Как следует из вышеприведенных рассуждений, соотношение интердискурсивность/интертекстуальность не симметрично соотношению дискурс/текст. Часто интертекстуальность может сигнализировать о наличии интердискурсивности, поскольку связь между текстами может отражать и связь между дискурсами. Однако интертекстуальность не является обязательным условием интердискурсивности. В.Е. Чернявская отмечает, что интердискурсивность предполагает «переключение» реципиента на другой тип мышления [4, с. 211].

Столь большое количество определений интертекстуальности и интердискурсивности, на наш взгляд, связано с тем, что лежащие в их основе понятия текста и дискурса также имеют множество различных толкований. Текст, а также сравнительно недавно получивший широкое научное применение дискурс – это один из краеугольных камней, на которых строится научная теория. Поскольку текст и дискурс имеют онтологический статус, то и понимание этих терминов напрямую зависит от научной и мировоззренческой концепции, которой придерживается ученый.

Подводя итог рассмотрению сложившихся концепций, следует добавить, что интертекстуальность как форма вторичной художественной условности способствует метафоризации текста, создавая поле художественно-образной изобразительности. В художественном тексте она может выступать как основа римейка, всевозможных аллюзий, реминисценций, конструируя дополнительные смыслы, разновидности текстового и подтекстового приращения смыслов. Интердискурсивность же, восходя к риторическому дискурсу ораторских речей, преследовавших цель обосновать предмет обсуждения и убедить слушателей, вносит в художественный текст аналитическое начало.

Таким образом, сближаясь с понятием типологической интертекстуальности, понятие интердискурсивности, однако, более объемно, поскольку обладает социокультурными и психологическими измерениями. Свидетельствуя о незамкнутости дискурса, интертекстуаль-

ность сигнализирует об интердискурсивности, не являясь, однако, обязательным условием последней. Интердискурсивность главным образом носит реципиенто-ориентированный характер, требуя от читателя высокого

уровня научной и художественной абстракции, придает дополнительный объем художественному тексту, создавая иерархию контекстов путем включения кодов из различных областей культуры.

Список литературы

1. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 2008. 240 с.
2. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. 616 с.
3. Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989.
4. Чернявская В.Е. Текст в медиальном пространстве. М., 2013. 232 с.
5. Landwehr M. Introduction: Literature and the Visual Arts; Questions of Influence and Intertextuality // Coll. Lit. 2002. Vol. 29, № 3. P. 1–16.
6. Blommaert J., Bulcaen C. Critical Discourse Analysis // Annu. Rev. Anthropol. 2000. Vol. 29. P. 447–446.
7. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. М., 1992. Т. 1. 247 с.
8. Владимирова Н.Г. Условность, созидающая мир: поэтика условных форм в современном романе Великобритании. Великий Новгород, 2001. 270 с.
9. Riffaterre M. Intertextuality vs Hypertextuality // New Lit. Hist. 1994. Vol. 25, № 4. P. 779–788.
10. Куюнжич Д. После «после»: ковчегная лихорадка. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/ku19-pr.html> (дата обращения: 18.10.2015).
11. Porter J.E. Intertextuality and the Discourse Community // Rhetor. Rev. 1986. Vol. 5, № 1. P. 34–47.
12. Culler J. Presupposition and Intertextuality // MLN. 1976. Vol. 91, № 6. P. 1380–1396.
13. Orr L. Intertextuality and the Cultural Text in Recent Semiotics // Coll. Engl. 1986. Vol. 48, № 8. P. 811–823.
14. Белоглазова Е.В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Изв. СПбУЭФ. 2009. № 3. С. 66–71.
15. Plett H.F. Rhetoric and Intertextuality // Rhetorica: A J. Hist. Rhetor. 1999. Vol. 17, № 3. P. 313–329.
16. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.
17. Георгинова Н.Ю. Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония: к соотношению понятий // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 1. С. 149–155.
18. Каплуненко А.М. Курс дискурса: под Флагом Фуко // Вестн. ИГЛУ. 2013. № 4(25). С. 9–15.
19. Силантьев И.В. Газета и роман: риторика дискурсных смещений. М., 2006. 224 с.

References

1. Piégay-Gros N. *Introduction à l'intertextualité*. Paris. 1996 (Russ. ed.: P'ege-Gro N. *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti*. Moscow, 2008. 240 p.).
2. Barthes R. *Ot proizvedeniya k tekstu* [From the Work to the Text]. Barthes R. *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow, 1989. 616 p.
3. Kosikov G.K. Roland Bart – semiolog, literaturoved [Roland Barthes: Semiotician and Literary Theorist]. Barthes R. *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow, 1989.
4. Chernyavskaya V.E. *Tekst v medial'nom prostranstve* [Text in the Media Space]. Moscow, 2013. 232 p.
5. Landwehr M. Introduction: Literature and the Visual Arts; Questions of Influence and Intertextuality. *Coll. Lit.*, 2002, vol. 29, no. 3, pp. 1–16.
6. Blommaert J., Bulcaen C. Critical Discourse Analysis. *Annu. Rev. Anthropol.*, 2000, vol. 29, pp. 447–446.
7. Lotman Yu.M. *Tekst v tekste* [The Text Within the Text]. Lotman Yu.M. *Izbrannyye stat'i v trekh tomakh* [Selected Articles in 3 Vols.]. Moscow, 1992. Vol. 1. 247 p.

8. Vladimirova N.G. *Uslovnost', sozidayushchaya mir: poetika uslovykh form v sovremennom romane Velikobritanii* [The Convention That Creates the World: Poetics of Conventional Forms in the Modern British Novel]. Veliky Novgorod, 2001. 270 p.
9. Riffaterre M. Intertextuality vs Hypertextuality. *New Lit. Hist.*, 1994, vol. 25, no. 4, pp. 779–788.
10. Kuyunzhich D. *Posle "posle": kovchezhnaya likhoradka* [After "After": The Ark Fever]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/ku19-pr.html> (accessed 18 October 2015).
11. Porter J.E. Intertextuality and the Discourse Community. *Rhetor. Rev.*, 1986, vol. 5, no. 1, pp. 34–47.
12. Culler J. Presupposition and Intertextuality. *MLN*, 1976, vol. 91, no. 6, pp. 1380–1396.
13. Orr L. Intertextuality and the Cultural Text in Recent Semiotics. *Coll. Engl.*, 1986, vol. 48, no. 8, pp. 811–823.
14. Beloglazova E.V. Polidiskursnost' kak osobyi issledovatel'skiy fokus [Polydiscursivity as Special Research Focus]. *Izvestiya SPbUEF*, 2009, no. 3, pp. 66–71.
15. Plett H.F. Rhetoric and Intertextuality. *Rhetorica: A J. Hist. Rhetor.*, 1999, vol. 17, no. 3, pp. 313–329.
16. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of Time and of the Chronotope in the Novel]. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, 1975. 504 p.
17. Georjina N.Yu. Interdiskursivnost', intertekstual'nost', polifoniya: k sootnosheniyu ponyatiy [Interdiscursivity, Intertextuality, Polyphony: To the Correlation of Terms]. *Vestnik Leningradskogo gosudarsvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 149–155.
18. Kaplunen A.M. Kurs diskursa: pod Flagom Fuko [The Course of Discourse: Nailing the Foucault Colors to the Mast of Discourse Analysis]. *Vestnik IGLU*, 2013, no. 4(25), pp. 9–15.
19. Silant'ev I.V. *Gazeta i roman: ritorika diskursnykh smesheniy* [The Newspaper and the Novel: The Rhetoric of Discourse Mixing]. Moscow, 2006. 224 p.

doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.2.104

Ierusalimskaya Anna Olegovna

Postgraduate Student, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: anna.iерusalimskaya@gmail.com

INTERTEXTUALITY VS INTERDISCURSIVITY AS A FORMED DISCOURSE

This article details the history of the emergence and development of the term *intertextuality* as well as the history of the phenomena described by the term before it acquired this meaning. The author analysed the differences in understanding intertextuality by various schools, as well as narrow and broad interpretations of the term. The paper proves that the different perceptions of intertextuality arise from different definitions of the term *text*. Further, it demonstrates the relationship between intertextuality and interdiscursivity through the identity of such concepts as *constitutive intertextuality* and *interdiscursivity*. Using concrete examples, the author dwells on various types of intertextuality, such as typological, code, genre, and rhetorical intertextuality. In addition, the article makes a distinction between the linguistic and literary interpretations of the term *intertextuality*. Further, the paper presents a comparative analysis of various conceptions concerning the relationship between intertextuality, interdiscursivity and such related concepts as polyphony, intermediality, metadiscursivity, iterability, presupposition, mediality, hypertextuality, and extratext. The importance of the role played by the sociocultural space in linguistic discourse analysis is also proved here. The author argues that the *interdiscursivity / intertextuality* relation is not symmetrical to the *discourse / text* one. The concept of interdiscursivity is close to the notion of typological intertextuality but, unlike the latter, it is a more extensive phenomenon having both sociocultural and psychological dimensions. Intertextuality indicates a lack of self-sufficiency of the discourse, thereby signaling interdiscursivity. Interdiscursivity is recipient-oriented and requires a high level of scientific and artistic abstraction from the recipient. Interdiscursivity in a literary text makes it multidimensional and creates a hierarchy of contexts by including cultural codes from various spheres of culture.

Keywords: *intertextuality, interdiscursivity, discourse, polyphony, intermediality, metadiscursivity.*

Контактная информация:

адрес: 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14;
e-mail: anna.iерusalimskaya@gmail.com